

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск II

Лекции по военной истории XVI-XIX вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2014

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюренок

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Специальный выпуск. II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <<http://www.milhist.info/lecture>>

MILHIST

INFO

Шиканов В.Н. Французские мемуары о

Пиренейской войне 1808—1814 гг. как исторический источник.

Существуют книги более чем ста авторов - французов, немцев, поляков, - посвященные войне в Испании и Португалии в 1807-1814 гг. На сегодняшний день, в рамках большого проекта «Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны», завершена работа над шестью томами, в которых собраны переводы на русский язык воспоминаний участников тех давних событий. Несколько перефразируя слова Филиппа Поля де Сегюра, хочется обратиться к любителям истории с призывом: читайте мемуары наполеоновской эпохи, благо теперь такая возможность есть и у нас. И они помогут вам лучше узнать и понять то удивительное, славное и героическое время.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2014/05/19/shikanov>

Ссылка для печатных изданий:

Шиканов В.Н. Французские мемуары о Пиренейской войне 1808—1814 гг. как исторический источник. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2014. - Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. I. — С. 49-79
<<http://www.milhist.info/2014/05/19/shikanov>> (19.05.2014)

www.milhist.info

2014

В.Н. Шиканов

ФРАНЦУЗСКИЕ МЕМУАРЫ О
ПИРЕНЕЙСКОЙ
ВОЙНЕ

1808–1814 гг.

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Пора реставрации Бурбонов во Франции с 1815 по 1830 гг. была временем довольно странным. Временем, когда практически все французское общество жило, не имея уверенности в завтрашнем дне. С одной стороны, закончилась война, и те, кому повезло, дождались с фронта, из плена, или еще откуда-то, своих мужей, сыновей, братьев. Теперь они все могли заниматься созидательным трудом. Те, к кому не вернулись родные, оплакивали их судьбу и наверное проклинали времена Революции и Империи, когда пролилось столько крови и погибли сотни тысяч французов. Причем на тот момент было совершенно непонятно ради чего, потому что результатом для Франции стали сокрушительное поражение и национальная катастрофа. С 1815 по 1818 гг. страна была оккупирована иностранными армиями, которые находились практически во всех регионах, чувствовали себя полноправными хозяевами и были охвачены жаждой мести.

Вернулись эмигранты, которые ничего не забыли и ничему не научились – им важно было возвратить прежние порядки. Для огромного же большинства населения – крестьян и горожан, торговых людей, представителей административного и управленческого аппарата, – это в любой момент могло означать либо завершение их карьеры, либо полное разорение. Ведь те люди, которые на 20 лет оказались выброшены из Франции, возвратились обиженные, озлобленные и желавшие

получить назад все то, что они потеряли, как в материальном, так и в моральном плане. С другой стороны, у старых-новых хозяев тоже не было уверенности, что это получится. События «Ста дней» ясно показали, что Франция не с ними, она их ненавидит и презирает. Конечно, такая власть авторитета иметь не могла никакого, а ее опорой являлись только вражеские штыки.

В результате, сложилось парадоксальное положение: самый надежный оплот государственной власти в любой стране и в любое время – армия – оказалась самым ненадежным социальным элементом реставрированного королевства. И Бурбоны, вернувшиеся во Францию во второй раз, – как им казалось, навсегда, – начали с того, что эту армию полностью ликвидировали, расформировав все полки, овянные славой побед в десятках сражений. Заново были созданы две «придворные» гвардейские дивизии, плюс к этому предусматривался ежегодный набор в армию на основании жребия сорока тысяч человек, при населении Франции порядка 30 миллионов.

Все остальные могли поступать на военную службу по найму. Но скоро выяснилось, что будь ты хоть семи пядей во лбу, выше определенного потолка не продвинуться. До 1822 г. в стране продолжали раскрывать подлинные и мнимые бонапартистские заговоры, причем в недрах уже новых, воссозданных вооруженных сил, потому что от наполеоновского офицерского корпуса Бурбоны не смогли и не решились полностью избавиться – просто некому было бы командовать. Хотя правящая династия усиленно насаждала своих офицеров, молодых людей из аристократических семейств, которые никакого жизненного опыта и, тем более, боевых заслуг не имели. При этом они должны были командовать младшими по положению, но не по возрасту, офицерами и унтер-офицерским составом, а многие унтер-офицеры остались с наполеоновских времен. Конечно, эти сержанты и капралы не признавали таких командиров. В песне Жана Пьера Беранже «Старый капрал» вполне реально описан подобный конфликт:

«Я оскорбил офицера!
Молод и он оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.»

Битва при Чиклана-Баросса 5 марта 1811 г.
Художник Л.-Ф. Лежен

Таким образом, даже в новой, королевской армии отношение к Бурбонам было, мягко говоря, не восторженное. Действительно, к этому имелись основания. Обрести военные лавры для правящей династии оказалось гораздо сложнее, чем заменить профиль императора на ордене Почетного легиона изображением короля-воина Генриха IV. Что удалось добиться Бурбонам в этом отношении? 1823 год – экспедиция в Испанию, для подавления там революции, причем французской армии пришлось действовать на стороне короля Фердинанда VII, против которого те же самые офицеры и унтер-офицеры сражались всего 10 лет назад. Теперь же они выступали практически под командованием своего врага. Дальше был 1828 год – это, скажем так, операция «по принуждению к миру» Османской империи, когда Россия против Турции воевала, а Франция послала свой экспедиционный корпус на Пелопоннес, о чём у нас мало известно. Там он занял так называемый Морейский замок, чтобы заставить Турцию признать независимость Греции. Была и третья попытка – в начале 1830 г. началось завоевание Алжира. Причем, на тот момент, еще в голову никому не приходило, что это будет длительная война, которая, в конце концов, приведет к покорению обширной страны и образованию французской колониальной империи. Поначалу это была чисто полицейская операция. Турецкий наместник Алжира нанес оскорбление действием французскому консулу и туда был послан королевский флот, чтобы показать, кто реально контролирует положение дел. А потом началась высадка сухопутных войск и постепенная эскалация событий. В общем, рассматривать все эти действия как серьезные военные успехи было бы крайне странно.

В народе же укрепилось мнение, что весь государственный порядок в целом, тем более, навязанный извне, глубоко несправедлив. На этом фоне забывались даже те огромные человеческие и материальные жертвы, которые Франция понесла за более чем 20-летний период войн, с 1792 по 1815 годы. Наоборот, считалось, что те солдаты и офицеры, старшие братья и отцы, которые не вернулись с полей сражений, обрели бессмертную славу. Они пали на пике героического подъема и в расцвете могущества Франции, когда ее слава находилась на недосягаемой высоте. И, конечно, ничего подобного в дальнейшем быть не может. Именно этим, вероятно, объясняется сцена из эпопеи Виктора Гюго «Отверженные», когда один из главных героев, Мариус

Понмерси, прокричал в темноту ночного Парижа: «Да здравствует Император!» Дело не в том, что он был бонапартистом, а в том, что в этом возгласе звучали вызов и обвинение существующему режиму.

В обществе исчезло представление, в каком направлении будет развиваться Франция и ради чего стоит жить. Правда, всячески приветствовалось умение зарабатывать, а точнее – делать деньги. Но многим молодым людям глубоко претила мысль заменить солнце на небе блеском пятифранковой монеты, равно как и перспектива просидеть всю жизнь, корпя над бумагами в нотариальной конторе или в лавке.

Протестные настроения ширились, прорываясь в открытых антиправительственных выступлениях, даже в вооруженных силах. А в 1820 г. бывший солдат наполеоновской армии убил наследника престола Бурбонов герцога Беррийского. Теперь уже и в высших эшелонах государственной власти созрело понимание, что одними мерами устрашения ситуацию не переломить. Нужно было показать французам, что у общества есть общие непреходящие ценности, гораздо более реальные, чем лавры короля Генриха IV, о котором, по сути, было мало что известно, кроме песни «Да здравствует Анри Четвертый».

В школах, на уроках истории, детям рассказывали о периоде «мятежа и узурпации». А выйдя из классов, можно было узнать о тех же событиях не из учебников, но от очевидцев, которые принимали в них непосредственное участие. Ведь ветераны наполеоновских войн, многие из которых в начале 1820-х гг. – еще очень молодые люди, а некоторым не исполнилось даже 30 лет, были полны сил, здоровья и обладали хорошей памятью. Эти вполне реальные люди жили по соседству или являлись близкими родственниками маленьких французов, и они рассказывали вещи невероятные, почти сказочные. Когда учитель говорил одно, а сосед Жан совсем другое, потому что он сам был в Лиссабоне и в Мадриде, кузен Пьер – в Неаполе или Мадриде, а дядя Луи – в Берлине, Вене и в Варшаве, то это производило грандиозное впечатление. Обычный мальчик, придя из школы или прочитав книжку о недавних войнах, которые тогда начинали появлятьсяся, мог спросить: «Дедушка, а ты, правда, был в Москве?» – «Конечно! Вот у нас стоит на каминной полке серебряный подсвечник, так я его нашел во дворце одного русского князя». Это звучало неправдоподобно, ошеломляюще! Мальчик долго не мог закрыть рот и смотрел на своего деда как на эпического

героя, потому что для француза начала XIX века «побывать в Москве» значило почти то же самое, что для нашего современника полет на Луну.

Положение начало меняться, когда в 1819 году во Франции была объявлена политическая амнистия и многие представители высшего командного состава наполеоновской армии, которые были вынуждены бежать из Франции после «Ста дней», вернулись обратно, заняли высокие должности, обрели официальное признание прежних заслуг. Теперь в королевстве Бурбонов снова стали говорить о недавних и бесспорных победах французского оружия, поднимая на щит славу солдат Республики и Империи. Уже появились новые книги, в которых совсем иначе излагались события последних 20 лет, с 1792 по 1815 год. Выходили знаменитые сборники, такие как «Победы и завоевания французов, начиная с 1792 г.», а также «Скрижали славы, или храбрецы, завещанные потомкам», – пятитомный сборник биографий французских военнослужащих, отличившихся в войнах Революции и Империи.

Еще более важно, что после такой официальной «отмашки» увидели свет личные воспоминания французов, участвовавших в наполеоновских войнах. Это была не просто детализация тех глобальных событий, которые описывались в учебниках, а собственный взгляд непосредственных участников и их оценка, порой предвзятая, но, несомненно, заслуживавшая права быть услышанной. Теперь об этом могли узнать не только ближайшие родственники, но и миллионы французов, особенно молодых, искающих кого выбрать примером для подражания и кем можно по праву гордиться. Так преодолевался коллективный комплекс неполноценности, связанный с тяжелым военным поражением и чувством национального унижения, охватившим целую страну.

Настоящий прорыв случился после публикации в 1823–1824 гг. книги графа Филиппа-Поля де Сегюра «Наполеон и Великая Армия в России в 1812 году». Уже судя по тому, какие он имел фамилию и титул, можно было понять, что цензура и критика особенно ограничивать его не будут. Именно человек с такой родословной адресовал фактически всем участникам великой исторической эпопеи следующие слова: «*Товарищи, я обращаюсь к вам! Не дайте исчезнуть этим великим воспоминаниям, купленным такой дорогой ценой, представляющим единственное достояние, которое прошлое оставило нам для нашего будущего. Одни, против стольких врагов, вы пали с большею славой,*

чем они возвысились. Умейте же быть побежденными и не стыдиться! Поднимите же свое побежденное чело, которое избороздили все молнии Европы! Не потупляйте своих глаз, видевших столько сдавшихся столиц, столько побежденных королей... Диктуйте же истории свои воспоминания»^{}.* И вот, с этого призыва, генералы, офицеры, даже солдаты, взялись за перья и начали оставлять потомкам свои воспоминания, показывая, что даже им, побежденным, есть чем гордиться за те годы, когда каждый из них просто исполнял свой долг, не думая о собственном историческом значении.

Итак, первые мемуарные произведения увидели свет еще в 20-х гг. XIX века. В дальнейшем их поток нарастал. Правда, был некоторый перерыв. После падения Второй Империи – империи Наполеона III, в период с 1871 по середину 1880-х годов, мемуары почти не выходили, потому что имя Наполеона стало ассоциироваться не с великим полководцем, а с Наполеоном III, который, как было убеждено общество, довел страну до национальной катастрофы. Ссылаясь на так называемые «милитаристские подвиги» в период Третьей Республики считалось крайне неприличным. Зато с 1890-х годов снова возрастает поток мемуарной литературы, посвященной наполеоновским войнам. И это было не случайно – Франция готовилась взять реванш за поражение во франко-прусской войне, ей нужно было возрождать боевой дух в новом поколении молодежи, которому предстояло силой штыков вернуть отторгнутые у Отечества территории и наказать давнего врага, которым теперь была Германия.

На рубеже XIX–XX веков увидели свет многочисленные мемуары, которые так и не были опубликованы при жизни авторов, писавших не ради заработка, а в назидание своим детям и внукам. Эти послания дошли до потомков лишь через несколько десятилетий и вызвали настоящий всплеск интереса к замечательной эпохе, получившей название наполеоновской. Читателей интересовало буквально все: как одевались, как курили, как и что танцевали, как ходили в церковь жители тех далеких и соседних стран, в которых «без виз» побывали французские армии. Ну и, конечно же, одержанные ими победы, которые составили славу и гордость нации.

* Цит. по: Ивченко Л. «Не братья по славе?» // Родина. – 2012. – № 6. – С. 11.

Штурм монастыря Санта-Энграсия в Сарагосе 27 января 1809 г.
Художник Л.-Ф. Лежен

Авторами мемуаров были очень разные люди и брались они за перо с разными целями. Одни писали ради денег, откровенно «набирая объемы» текстов. Другие обладали несомненными литературными способностями, тогда чтение их книг превращалось в увлекательное и полезное занятие. Генералы старались оправдать свои неудачи тем, что ими командовали не очень умные маршалы, ведь война, все-таки, была проиграна. В свою очередь, маршалы подчеркивали, как трудно им приходилось на самых ответственных театрах боевых действий, тогда как их коллеги проявляли слепой эгоизм, «прохлаждаясь» едва ли не на курортах. Офицеры позволяли себе излагать бытовые подробности своей, зачастую, совсем не парадной войны. До нас дошли даже солдатские мемуары, что может показаться отечественному читателю вовсе невероятным, а на самом деле лишь свидетельствует о различном уровне грамотности в России и Франции двухвековой давности.

На сегодняшний день библиография мемуаров наполеоновской эпохи, составленная выдающимся специалистом по истории того периода, профессором Жаном Тюларом, насчитывает более полутора тысяч авторов. Не наименований произведений, а именно авторов, каждый из которых мог в свою очередь написать несколько книг воспоминаний. Среди них больше сотни это авторы, которые, в той или иной степени, освещают события Пиренейской войны 1808–1814 гг. Этот корпус текстов представляет особый интерес, и именно о них нам предстоит рассказать подробнее.

Прежде всего, в России это всегда была неизвестная война. Практически вся литература по истории наполеоновских войн, которая у нас выходила и до 1917 года, и в советское время, и после 1991-го – это книги, посвященные, главным образом, Отечественной войне 1812 года. Безусловно, она того заслуживает, но что в это же время происходило на другом конце Европы, куда ушла почти вся та самая Великая армия, которая одержала победы при Аустерлице, Йене, Фридланде, и уже не вернулась? Ведь длилась эта война не месяц и не год, а с 1808-го по 1813-й. Если же еще учитывать почти бескровный поход генерала Жюно в Лиссабон осенью 1807 года и тяжелейшую кампанию на юго-западе Франции, от Байонны до Тулузы в первые четыре месяца 1814 года, то получается, что вся война заняла примерно шесть лет. Ни одна наполеоновская кампания не была такой долгой и такой

тяжелой. Бои шли практически ежедневно, там были крупные сражения, вошедшие в историю как военного искусства, так и воинской славы многих стран. Уже хотя бы поэтому тогдашние события заслуживают внимания исследователей и интереса простых любителей истории.

Итак, существуют книги более чем ста авторов – французов, немцев, поляков, – посвященные войне в Испании и Португалии. Они детализируют, придают достоверность тем глобальным событиям, которые, например, описал в своей «Истории Консульства и Империи» Адольф Тьер. На сегодняшний день, в рамках большого проекта «Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны», завершена работа над шестью томами, в которых собраны переводы на русский язык воспоминаний участников тех давних событий. Первый и шестой тома – мемуары генералов. Второй – воспоминания кавалерийских офицеров. Причем тех, на основе которых сэр Артур Конан Дойл писал свои «Подвиги и приключения бригадира Жерара»: Гонневиля, де Найли, Роккá*.

Третий том составили воспоминания адъютантов. Среди них хочется выделить мемуары Луи Франсуа Лежёна. Это был боевой офицер, а также талантливый художник-баталист и самобытный писатель. Достаточно раскрыть вторую часть его мемуаров, как в глаза бросается интригующая фраза: «*Вечером 14 февраля, в Париже, на большом бал-маскараде у архиканцлера Империи князя Камбасереса, некто среднего роста, одетый в простое черное домино, оказавшись возле меня, сказал: „Тсс! Приходите завтра к 10 часам в Тюильри, император желает говорить с вами.“*». И дальше уже не оторваться, начинается повествование, которое читается на одном дыхании, как увлекательный авантюрный роман.

Лежен служил адъютантом маршала Бертье. А еще были адъютанты войсковых частей – батальонные, эскадронные, – фактически являвшиеся начальниками штабов этих подразделений. У них была совершенно другая жизнь, так что интересно сравнивать, как они зачастую описывали одни и те же события.

* По признанию сэра Артура, в наибольшей степени он черпал свое вдохновение в мемуарах барона Марбо, но они уже опубликованы на русском языке и поэтому не вошли в библиотеку французских «пиренейских» мемуаров.

В четвертом томе собраны воспоминания военных медиков. Это действительно малоизвестная страница, потому что многие искренне уверены, что армия сильна исключительно своими штыками и клинками. Это, безусловно, верно. Но войска не могут действовать без тыловых служб. Поэтому те люди, которым даже отказывали в офицерских званиях, совершали свой незаметный ежедневный подвиг, оказывая помощь раненым на поле боя, или ухаживали за больными в госпиталях. Они заслуживают не меньшего уважения.

Пятый том является сборником воспоминаний строевых пехотных офицеров. Это самое интересное чтение, потому что на фоне глобальных соображений генералов и маршалов, зачастую стремившихся снять с себя ответственность за те или иные неудачные действия армии в целом, пехотные офицеры, эти «мученики долга», без прикрас описывали свою повседневную жизнь, то, как из месяца в месяц приходилось ходить под дождем, под снегом и палящим солнцем с полной выкладкой. А потом, пройдя 50 километров, устраиваться на ночлег, позабывши о размещении солдат, которым нужно было обогреться, обсушиться, что-то поесть на ужин. Причем, как правило, в условиях полного отсутствия централизованного снабжения. И этим приходилось заниматься каждый день и каждую ночь, чтобы на следующее утро идти снова в неведомое куда-то, за десятки километров, или возвращаться обратно, потому что мысли и намерения командования изменились.

Подобные картины воссоздаются авторами мемуаров настолько достоверно, что невольно вспоминается фраза капитана 31-го легко-го пехотного полка Жана-Батиста Лемонье-Делафосса: *«Если однажды друг-читатель, вы почувствуете воинственный зуд и примете предложение стать солдатом, то наденьте через плечо солдатскую патронную сумку с шестью десятками патронов, а также полностью укомплектованный ранец, облачитесь в тесную униформу, возьмите на плечо ружье со штыком и пройдите в течение некоторого времени, не важно куда, шесть-восемь лье* или несколько больше. А затем напишите, что вы думаете по поводу такого упражнения, или лучше ничего не записывайте, поскольку, наверняка, вы и так не забудете*

* Т. е. больше 30 километров.

этого никогда». Это пишет человек, судящий о войне не по парадам и наградам, а по тому ежедневному тяжелому труду, которым, прежде всего, она и является.

По прошествии двух веков трудно понять, как люди вообще могли месяцами и годами вести такой образ жизни! А они, после всех этих изнурительных маршей, вступали в бой, и у них еще оставались силы сражаться и побеждать. Это, честно говоря, в голове не укладывается. Правда и то, что тогда санитарных потерь было гораздо больше, чем потерь боевых. То есть самые слабые элементы отсеивались в первую же очередь, в первые месяцы воинской службы, и не от пуль и штыков противника, а от болезней и переутомления. Но для нас тем более ценные мемуары той эпохи, поскольку они позволяют реально оценить, что сделали те люди. Да, мемуаристы подробно описывают ход боев и сражений, в которых им довелось непосредственно участвовать, но практически все они сходятся на том, что война это изнурительный и неблагодарный труд. И уже за это, наверное, можно таких людей уважать. У штабных офицеров, военных чиновников и медиков, война была другой, но и они жаловались на свою долю, поскольку им приходилось ежедневно исписывать целые горы бумаги. Армейские строевики глубоко презирали такие занятия, но без них вести войну было бы невозможно, потому что гениальные замыслы маршалов и генералов требовалось четко зафиксировать, облечь в форму приказов, донести до исполнителей и добиться неукоснительного претворения в жизнь.

В связи с этим, приходят на память страницы воспоминаний военного медика, Антуана Фэ. Это был блестательный специалист. Он прожил долгую жизнь и стал выдающимся фармацевтом, профессором, заведующим кафедрой и деканом Страсбургского университета. Так вот, он вспоминал, что когда французская армия под снегом и ледяным дождем отступала на север Испании (как же все это далеко от наших современных представлений об этой стране курортов!), ему пришлось сопровождать фургон с медикаментами, и эта фура намертво увязла в грязи так, что сдвинуть ее с места оказалось совершенно невозможно. Пришлось выпрягать лошадей и добираться до ближайшей деревни, чтобы найти там дополнительную тяговую силу. Ночью удариł мороз, и когда назавтра фармацевты вернулись к злосчастному месту, то от фургона почти ничего не осталось, потому что «ночью наши солдаты

сожгли его вместе с медикаментами, а некоторые имевшиеся там спиртовые настойки они выпили». Правда, это происшествие не имело тяжелых последствий, поскольку вокруг обугленных остатков фуры не было ни одного трупа – никто не опился и не отравился. Конечно, это было хорошо, но позднее фармацевтам пришлось еще долго актировать и документировать данное происшествие, чтобы списать утраченные материальные ценности, доказывая, что их не разворовали и не распродали. И такой случай был не один! А ведь пропадало и имущество целых дивизий, и даже кассы с огромным количеством денег... Так, после сражения при Витории исчезла вся армейская казна. Ее разворовали английские солдаты, и офицеры ничего не могли с этим поделать и ничего не смогли отобрать.

С учетом боевого опыта предыдущих войн, французы считали сражение некоей кульминацией всего процесса войны, в котором должен был решиться ее исход. В других странах так и бывало – армия Императора наносила поражение вооруженным силам противника и война заканчивалась. В Испании это не действовало, потому что даже когда исчезли так называемые регулярные испанские армии, за оружие взялся народ. В провинциях были местные правительства, имелась Центральная испанская хунта, которые набирали войска. В результате, как из-под земли появлялись новые полки, дивизии, корпуса, отправлялись на театр военных действий, там с ними встречались французы и разгоняли. Как правило, испанцы хорошо держались за стенами укреплений, как это было, например, в Сарагосе. В чистом поле все бывало иначе. Испанцы давали залп, максимум два, а потом просто убегали. Но это не означало победу французов, потому что, рассеявшись, их противники через неделю собирались снова и опять брались за оружие, которое в изобилии попадало на Пиренейский полуостров на английских кораблях. А разнообразные хунты объявляли своим войскам благодарности и щедро раздавали награды за то, что они проявили стойкость и не дали французам разбить себя. В этом был определенный резон, потому что победа в сражении определяется степенью выполнения сторонами поставленных перед собой задач. Испанцы полагали, что, выходя на бой, французы хотели уничтожить испанскую армию, она же просто рассеялась, а потом снова собралась. Значит, французы не победили, но совсем даже наоборот. Вот такая была логика.

ХЕМНИКОВ 2014

Итак, война тянулась бесконечно, и у французов постепенно начинало меняться отношение к ней. Они, по-прежнему, презирали противника, но одолеть его уже не могли, каким бы ни было соотношение потерь противоборствующих сторон.

Чем еще интересны собранные в «Пиренейской библиотеке» мемуары, так это описанием действий конкретных воинских частей, чей боевой путь является предметом изучения наших современников, в том числе и участников движения военно-исторической реконструкции. Так, в мемуарах начальника штаба 4-го армейского корпуса генерала Буйие, часто упоминается 32-й линейный пехотный полк, история которого послужила основой всей «французской» военно-исторической реконструкции в Санкт-Петербурге 25 лет назад. В Испании действовал также 15-й драгунский полк, и такая группа реконструкции тоже есть сегодня в нашем городе.

Как правило, офицеры и солдаты выражали в мемуарах свое личное отношение к событиям, участниками которых им довелось стать, в отличие от генералов, чьи воспоминания больше похожи на учебник тактики. Многим из них присущ глубокий психологизм, при том, что во время боя у человека нет времени на размышления о высоком небе. Нужно выполнять поставленную боевую задачу и, по возможности, остаться в живых. Тем не менее, находилось время и для того, чтобы подмечать какие-то моменты, которые в обычной жизни, может быть, нас не интересуют, но по контрасту с тем адом, который вокруг тебя, создают очень странное впечатление. Вот что, в частности, пишет капитан Жиро де л'Эн из 9-го легкого полка, о случае в сражении при Талавере. «*Пока мы рвались к вершине холма, один карабинер (бывший портной по профессии) вдруг покинул строй, хотя не имел ни царапины, и начал спускаться по склону прямо сквозь нашу колонну: от ее головы до хвоста. При этом он воскликнул самым патетическим тоном: „Да разве можно, чтобы люди, которые даже не видели друг друга прежде, творили такое зло!“ Его вполне философические размышления выглядели настолько справедливо, что не нашлось никого, кому пришла бы мысль схватить его за шиворот и заставить вернуться в строй. Ему позволили спокойно произвести свое отступление, но, к счастью, его при*

«*Пока мы рвались к вершине холма, один карабинер (бывший портной по профессии) вдруг покинул строй...»* (Рис. А. Темникова, 2014 г.)

мер и красноречие никого не привлекли, чтобы последовать за ним». В связи с этим приходит на память сцена из фильма «Ватерлоо», когда буквально те же самые слова сказал английский солдат Томлинсон. Неизвестно, имел ли режиссер какие-нибудь сведения об этом эпизоде, или он целиком является плодом мысли сценариста, но, в любом случае, в основе его лежит подлинный исторический факт.

Помимо литературных достоинств, мемуары зачастую свидетельствуют об уровне эрудиции своих авторов. Они насыщены множеством профессиональных, литературных, музыкальных и прочих терминов, цитат из древних авторов, философов эпохи Просвещения, классических драматургов, творивших в годы правления «короля-солнца» Людовика XIV. Зато теперь уже и нашим читателям-современникам будет интересно ознакомиться с пояснительными сносками, сопровождающими русский текст мемуаров.

Эти эрудиция и образованность помогали французам осваиваться в Испании и даже устанавливать контакты с местным населением. Из мемуаров следует, что большинство из них были знакомы с великим романом Сервантеса. Сложно сказать, «проходили» его в общеобразовательных школах, или «Дон Кихот» являлся безусловным «бестселлером» и все читали его самостоятельно. Как бы то ни было, но если какая-нибудь воинская часть оказывалась в провинции Ла-Манча, и уж не дай Бог входила в захудалый городок Тобосо, то что тут начиналось! Увидев на улице или в окошке дома любую сеньориту, на нее начинали показывать пальцем и кричать: «Дульсинея! Дульсинея!» Подобные реминисценции вызывали у всех французов совершеннейший восторг. Нашему современному менее известно местечко Сантильяна на севере Испании, но для тогдашнего образованного человека это название сразу напоминало о невероятно популярном «плутовском романе» А. Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны». И всех интересовало, где же дом этого самого Жиль Блаза. Ведь раз это Сантильяна, значит, он должен был жить где-то здесь.

Есть и еще один общий характерный момент для воспоминаний о Пиренейской войне. Как у нас ветераны Великой Отечественной возвращались из Германии, нахватавшись множества немецких слов, и используя их более или менее удачно в повседневной послевоенной жизни, точно так же французы вернулись с Пиренейского полуострова,

пополнив свой лексикон испанскими словечками, причем оставляли их в тексте без перевода. Поэтому нужно было специально смотреть, что это значит. Как правило, понятия там очень невинные: «постоялый двор», «хутор», «ферма», «трактир». Они просто по привычке называют их по-испански, не переводя. Вместе с тем, надо заметить, что Google-переводчик в наше время бестрепетно выдает даже самую откровенную непотребщину. А еще многие французские мемуаристы запомнили испанские песни, среди которых самыми популярными «хитами», похоже, являлись патриотический гимн «Чем жить в оковах, лучше умереть», и уж вовсе откровенный «шлягер» с характерным названием: «Я – контрабандист». Французам эта песенка тоже почему-то нравилась. Сильное впечатление производила и испанская музыка. Пришельцам с севера пришлось по душе пылкое фанданго, а уж болеро и вовсе сводило их с ума.

Характерный пример приводит уже упомянутый нами капитан Жиро де л'Эн. Когда он возвращался из Испании, то весь свой багаж уместил в седельном чемодане – нательное белье, а также... ноты и записи текстов нескольких вариантов болёро. Такой уж он был меломан, и всю дорогу предвкушал, как дома будет играть на гитаре и распевать эти самые болёро. Но надо же было такому случиться, что в дороге на конвой напали герильясы, причем не так уж далеко от французской границы. Под офицером убили коня и вместе с товарищами ему пришлось отступать вверх по склону, чтобы за деревьями занять позицию и начать отбиваться. Ему было очень жалко потерять музыкальную коллекцию, которую он собирал несколько лет: *«Но, с другой стороны, стоило подумать о том, как бы вместе с болёро не оставил и свои кости»*

Подобный мрачноватый юмор свойственен многим пиренейским мемуарам. Хотя сейчас можно только удивляться, как люди, которым буквально каждый день грозила смерть, находили время и для шуток. Конечно, человеческая память избирательна, и когда бывшие участники войны писали воспоминания через несколько десятилетий после самих событий, некоторые из них казались уже и не столь страшными, ведь молодость находит оправдание даже самым неприятным происшествиям.

Блистательный рассказчик Дени Шарль Паркен приводит яркий пример такого рода. В сражении при Фуэнтес-де-Оньоро (май 1811 г.)

он получил прямо в лицо пистолетную пулю, выпущенную в упор. Она прошла сквозь обе щеки навылет и выбила шесть зубов. Безусловно, ощущения, испытанные при этом офицером, оказались яркими и незабываемыми. Автор же ограничивается лишь нейтральным комментарием: «*Обычно раны на лице заживают быстрее, чем на других частях тела. Я купил за 15 франков в Сьюдад-Родриго бутыль одеколона, с помощью которого соорудил себе особую примочку, и утром и вечером смачивал свою корпию**. Вот так я и выкарабкался из этого дела. Забыл сказать, что в течение восьми дней я мог питаться только бульоном, который мой слуга вливал мне в рот через воронку». Вот и все воспоминания о том, как человек за один раз потерял шесть зубов.

Еще один мемуарист, капитан Марк Дебёф, также оставил потомкам действительно забавные и уже не столь шокирующие воспоминания о Пиренейской войне. Будучи молодым суб-лейтенантом 81-го линейного полка, он был вызван к генералу Пари, военному губернатору Арагона. Высокопоставленный военачальник принял офицера очень ласково, назвал его «лейтенантом»** и назначил комендантом маленького городка Фуэнтес недалеко от Сарагосы. Дебёф был очень польщен, ведь это была не только ответственная, но и его первая самостоятельная руководящая должность.

Прибыв на место, чтобы принять дела, капитан явился к прежнему коменданту. Им оказался польский офицер, который «*наполнил водкой два больших стакана и, не предложив мне сесть, и не проронив ни слова, указал на один из них. Я поблагодарил его, но сказал, что не имею подобной привычки. Шокированный отказом, или раздосадованный тем, что приходится покидать такое доходное место, он сухо ответил на вопрос об инструкциях: „Когда я прибыл сюда, то тоже ничего не знал.“ После этого он опрокинул в себя оба стакана и вышел не попрощавшись. Едва он покинул меня, как явились члены местного муниципалитета. Коррехидор вытащил из кармана*

* Аналог современной ваты.

** Давняя традиция французской армии: в неофициальном обращении старшего к младшему по званию понижающую приставку убирали. Генерал, обращаясь к подполковнику, называет его полковником, а суб-лейтенанта – лейтенантом, как бы повышая офицера в звании.

маленьку бумажку, скрутил из нее сигарету, зажег и, выпустив несколько клубов дыма, предложил ее мне. Я признался, что не умею курить. На его лице отразилось удивление, и он передал сигарету своему соседу, и вот уже, согласно местному обычая, она пошла по кругу. Я же совершил бес tactность и менее чем за час, пренебрег, как „северной“, так и „южной“ учтивостью и приобрел два порока». То есть «сензор команданте» не пил и не курил, что вызывало полное непонимание окружающих. А ведь с ними в дальнейшем предстояло работать.

Вообще из мемуаров следует, что выпивка занимала немалое место в военно-походной жизни, причем, зачастую, именно в боевой обстановке. Так Дени Паркен пишет, что по прибытии в Португалию, он получил от командира приказ встретиться за линией аванпостов с английскими офицерами и, «прежде чем начать знакомиться, как следует», распить с ними бутылку водки. При этом и британские джентльмены не остались в долгу, угостив благородных противников превосходным ромом.

Еще один интересный случай произошел с Паркеном в сражении при Арапилах 22 июля 1812 г. В этот день офицер состоял в личном эскорте маршала Мармона, и когда тот был ранен, то новый командующий сказал ему: «Возвращайтесь к своему полку и получайте приказания от его командира». По дороге, пишет автор, «я приблизился к группе егерей, которые держали лошадей в поводу.. „Что вы там делаете?“ – спросил я офицера 13-го егерского Нарбонна, которого застал возле полковой маркиантки с лионской колбасой в одной руке и бутылкой водки – в другой.

– Черт возьми, товарищ, как видите, я завтракаю! Не хотите ли присоединиться?*

– Нет, я тороплюсь. Передайте только бутылку немного смочить губы. Сегодня жарковато».

А дальше было вот что: «Сделав глоток водки, я поблагодарил его и, возвращая бутылку, сказал: „А вы что, в бригадном обозе?“ „Что? Уж не хотите ли вы, Паркен, чтобы я дрался с англичанами? С людьми, которые столько сделали для моей семьи и для меня, когда в 93-м году

* И это, заметим, в разгар сражения!

мы были вынуждены искать убежище в Англии? Никогда! Я не желаю быть неблагодарным в этом отношении. Если уж хотят, чтобы я сражался, – добавил он, придав своему лицу выражение решимости, – „то пусть мне предоставят другую державу, например, австрийцев!“*

Сомнительно, правда, чтобы Нарбонн мог сказать такое в лицо своему полковому командиру. Но в данном случае отношения товарищества между офицерами очень показательны. Говоря подобные, мягко говоря, нетривиальные слова, он не опасался, что на него донесут, привлекут к ответственности, начнут выяснять всю подноготную, что это он делал у врага в 1793 году.

Приведенный пример интересен еще в одном отношении. Французы, жившие и, заметим, творившие историю на рубеже XVIII–XIX столетий, были детьми Великой Революции. Наполеон попытался сплотить нацию, набросив покрывало забвения на события недавнего прошлого, однако новые социальные идеи успели глубоко укорениться в обществе. Старый порядок был отброшен, а передовые веяния эпохи стали неотъемлемой составной частью мировоззрения большинства французской нации, за исключением прежней аристократии, о настроениях которой мы уже говорили. Император заключил конкордат с папой римским, маршалы и генералы, воевавшие в Испании, исправно посещали месссы, но многие солдаты и офицеры откровенно негативно относились к духовенству. Они считали священников, а особенно монахов, мракобесами, разжигающими в обществе ненависть. И кстати, не без основания. Не будь их, и Испания не восстал бы. Церковников, захваченных в бою с оружием в руках, беспощадно уничтожали.

Более того, уже в 1814 г., когда война вернулась на землю Франции, в армии снова проявилась прежняя неприязнь и даже вражда к бывшим аристократам. Капитан Лемонье приводит характерный случай, произошедший когда французские войска отступали вдоль подножия Пиренеев и подошли к городку Совтер, который, как оказалось, «являлся местом сосредоточения окрестной знати. Она там буквально кишила, и в салонах только и слышно было: граф, виконт, маркиз и т.д. и т.п. Можно представить себе «удовлетворение» этой провинциальной знати, всех этих дворянчиков, когда они увидели,

* То есть во время революционного террора.

как армия Корсиканца входит в город, в который уже долетали ядра».

С другой стороны, оказавшись в армии и заслужив офицерские эполеты, даже самые скромные по своему происхождению молодые люди удивительно быстро усваивали неписанные, но от этого не менее реальные и жесткие требования кодекса воинской чести, ранее присущие только дворянам. Теперь все они становились носителями законов рыцарства и благородства. Тот же капитан Лемонье-Делафосс вспоминал, как в первом же крупном сражении, в котором он принял участие за Пиренеями – при Бусако, ему пришлось немало поволноваться, когда его рота отступала от неприступных английских позиций. Офицера тревожила возможность получить ранение в спину, что могло быть расценено как доказательство его трусости.

Известно негативное отношение Наполеона к дуэлям, особенно в военное время. Но на самом деле поединки случались регулярно, а начальство, как правило, закрывало на них глаза. В этой ситуации потомственные крестьяне и ремесленники, ставшие офицерами, ни в чем не уступали дворянам. Мемуары участников Пиренейской войны содержат немало ярких описаний схваток, в ходе которых решались вопросы чести.

Дворянин Жиро де л'Эн едва не схватился на саблях с артиллерийским капитаном прямо в ходе вылазки испанцев из осажденного Кадиса. Наш мемуарист был комендантом редута и открыл огонь по наступавшему врагу, а явившийся в сильном раздражении артиллерист заявил, что это было сделано «*некстати и без приказа*». Слово за слово, и дело дошло до вызова, после чего офицеры спустились в ров укрепления. К счастью, «*наши свидетели, оказавшись людьми, более умными, чем мы, быстро дали нам почувствовать нелепость подобного поведения и вынудили моего противника, по меньшей мере, отложить сatisfaction, которую он считал возможным от меня потребовать. Таким образом, он отложил дело, причем настолько удачно, что большие я о нем не слышал*

вольтижерские роты». Гренадерский офицер возразил: «Это не по уставу. Первыми на брешь должны идти гренадеры». Но вольтижеры заявили: «Мы не уступим это право!» И тогда гренадерские офицеры вызвали на дуэль вольтижерских. В результате, штурм мог бы вообще не состояться. Но генерал сказал: «Прекратите. Не время заниматься выяснениями отношений». В результате войска пошли на приступ и крепость была взята. А ведь далеко не все участники этой сцены были дворянами, но каждый из них отлично понимал, что такая офицерская честь был готов защищать ее с оружием в руках.

Интересно отношение этих людей к службе. Наверное, не все они стремились демонстрировать свой героизм. И у них были на то свои причины. Кто-то мечтал перевестись в штаб, кто-то хотел стать адъютантом. Многие вообще хотели выбраться из Испании любой ценой и на любую должность. Случалось и наоборот – когда капитана Марселя командир дивизии забрал к себе в штаб, строевик этого не выдержал. «*Мне там так не понравилось, – пишет он, – что через два дня я уже ушел оттуда и вернулся в роту. Мне дали десять суток ареста, но я с удовольствием их отсидел, лишь бы в штаб больше не возвращаться*». Другой офицер, капитан Лемонье-Делафосс, находясь в отпуске в Париже, предпринял энергичные шаги для перевода в Молодую гвардию и даже заручился поддержкой заслуженного генерала Кюриоля. Увы, в окончательные списки его фамилия так и не попала, так что оставалось лишь посетовать: «*Оказывается, для того, чтобы попасть в гвардию, нужно иметь в качестве покровителя не только генерала, но и его секретаря*».

Совершенно особое место в мемуарах участников Пиренейской войны занимают их отношения с женщинами. Маршалы совершенно опускают такого рода подробности, считая, что им нет места на страницах, где описываются события, решавшие судьбы мира. Хотя в армии было прекрасно известно, с кем отдыхали от ратных трудов их высшие командиры. Генералы и старшие офицеры, если и упоминают о каких-либо романтических историях, случавшихся непременно с маркизами или графинями, то подчеркивают их возвышенный, почти идиллический характер. Все сводится к прощальным подаркам в виде локона волос на память или черепахового гребешка для расчесывания усов. Этих людей можно понять. В конце концов, почти все они были

женаты, так что вне зависимости от того, насколько верно их ждали во Франции супруги, давать повод для скандалов не хотелось.

Действительно красивый, можно даже сказать, креативный пример высоких отношений приводит тогда еще лейтенант Жиро де л'Эн. Некая юная Хосефа, в доме родителей которой он был принят, вышила зеленым шелком свое имя на обратной стороне его эполета. «*И пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает*»...

Но, как правило, любовь на войне имела гораздо более прозаические формы проявления, а отношения между мужчинами и женщинами развивались и заканчивались очень быстро. С шокирующей откровенностью описывает свои амурные приключения офицер 69-го пехотного полка Никола Марсель: «Нам некогда было изображать какую-то идеальную любовь. Если я не мог склонить женщину в течение двух-трех дней, то просто оставлял ее в покое». Но такое случалось редко. Как правило, бравый сержант, а позднее лейтенант и капитан, Марсель не знал отказа. Узнав, что в соседнем доме молоденькая испанка ухаживает за тяжело больным мужем, он угостил ее ужином, а потом вполне обыденно объяснил, что «до сих пор к ней относились с уважением, но почти наверняка наши солдаты пренебрегут этим, когда подогреют себя вином». А затем очень пригодился соломенный тюфяк, «который я предложил разделить красавице, и, после энергичных настоений, она решилась на это». Ну, а потом «восторги поутихли», и «в шесть часов барабан известил нас, что пришло время выступить в путь. Думаю, что мне не пришлось бы долго упрашивать эту супругу на одну ночь последовать за мной. И все-таки, на мой легкий намек в этом отношении, она выразила желание остаться, чтобы ухаживать за больным. Я не стал повторять свою просьбу и не был огорчен тем, что она осталась расточать заботы несчастному, чье положение действительно было тяжелым».

Или вот еще случай. В ходе преследования британской армии, отходившей к Корунье зимой 1808–1809 гг., французы захватили множество трофейных лошадей и... «походных жен» английских солдат. Тех и других выставили на аукцион, причем мемуарист был шокирован тем, что французы охотнее покупали лошадей и платили за них дороже. Впрочем, нечто подобное происходило и с французскими женщинами, которые «не отличались особой верностью». Фармацевт Себастьен

Блаз довольно обыденно рассказывает, как в Кадисе один пленный разыграл свою супругу в лотерею, по два реала за билет. «*В результате, красавица досталась моряку и принесла ему в качестве приданого половину прибыли от продажи билетов. Остальное сохранил бывший муж. Это приключение очень повеселило общество и стало объектом разговоров*». Был даже сочинен и силами пленных поставлен на сцене водевиль с соответствующим сюжетом. И нужно сказать, что «Жена в лотерею» имела бешеный успех у зрителей.

Но иногда и сами французские солдаты попадали в неприятные ситуации. Капитан Лемонье описал происшествие, имевшее место на биваке 2-го гусарского полка. Полковник Сеганвиль объявил общее построение полка, чтобы примерно наказать некую девицу, от которой он никак не мог избавить своих людей. Ее неоднократно выдворяли из расположения части, но каждый раз она возвращалась. Полковник решил, что девушка находится в сговоре со своим любовником, и пригрозил этому вахмистру суровой карой. Но тот лишь заметил: «*Прогоните ее сами, полковник, и вы окажете мне большую услугу*».

И вот, девицу вывели перед строем полка. «*По правде сказать, — пишет автор, — эта чистокровная басконка действительно была очень красива. Раздетая и обритая повсюду, она превратилась в негритянку, поскольку ее вымазали ваксой. Ее заставили пройти вдоль строя, а потом бригадир вывел ее за пределы расположения армии. Более чем вероятно, что тело ей удалось отмыть, но потребность в любви, порой, делает человека невменяемым, вот и для этой несчастной девушки любовь значила гораздо больше, чем стыд. Через два дня она снова вернулась в полк! Пусть тот, кто сможет, объяснит природу человека... А полковник отказался от мысли избавиться от нее*». Одним словом, военно-полевая любовь...

Вот так, день за днем, месяц за месяцем и год за годом продолжалась Пиренейская война, с ее сражениями и осадами, маршами и биваками. Война, в ходе которой с обеих сторон совершались такие жестокости, какие не всегда удалось превзойти, даже в самых ожесточенных военных конфликтах XX века. Не напрасно офорты Гойи из серии «Бедствия войны» и сегодня могут служить иллюстрациями к учебнику судебной медицины. А закончилась самая длинная война наполеоновской империи плохо для французов. Со временем их главный

противник – британская армия научилась не только стойко держаться в обороне, но и наносить мощные удары в наступлении. После сражения при Витории 21 июня 1813 г., выигранного Веллингтоном, стало ясно, что королевству Жозефа Бонапарта пришел конец. Потрепанные французские дивизии навсегда уходили из Испании, а солдаты, офицеры и, по-видимому, сами генералы утратили веру в победу. Пополнение, поступавшее в части, состояло из необученных новобранцев, вооруженных учебными ружьями с деревянными «кремнями». Их нельзя было посыпать в бой. Казавшиеся бесконечными, годы войны ожесточили людей, и, уже находясь на родной земле, французские войска без особого почтения относились к собственности соотечественников. Впрочем, это вовсе не удивительно, так как «заботами» интенданства солдатам приходилось есть даже кошек.

Последнее сражение этой войны, при Тулузе, состоялось 10 апреля 1814 г. Ему посвящено немало страниц мемуаров участников тех событий. Оно также было проиграно французами, с обеих сторон погибли и были искалечены тысячи людей, хотя ни военного, ни политического значения битва не имела, так как произошла уже после отречения Наполеона от власти. Всего же безвозвратные потери наполеоновской армии за Пиренеями составили около 260 тысяч человек, убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести.

И все-таки, эта грустная история имела оптимистический финал. После окончания боевых действий на смотр французской армии принял герцог Ангулемский – главный официальный полководец фамилии Бурбонов. Так вот, солдаты и офицеры, много раз видевшие за годы войны красные вражеские мундиры, были поражены, когда оказалось, что и герцог и его адъютанты явились перед строем в английской военной форме. С этого момента с уверенностью можно было предсказать, что такая власть во Франции надолго не задержится. Так и случилось. Через шестнадцать лет последний Бурбон, король Карл X, был свергнут с трона очередной революцией и навсегда бежал из Парижа.

Имелся у этой войны и еще один, личностный аспект. Большинство ее участников были молоды, а молодости, как мы уже говорили, свойственно отбрасывать тяжелые воспоминания и оставлять в памяти только самое лучшее. Словно выражая общее мнение, капитан Лемонье-Делафосс пишет: «Это были лучшие годы моей жизни, о которых

я вспоминаю с величайшим удовлетворением; они прошли под французским знаменем и были посвящены защите моего отечества».

Ну а мне хочется, несколько перефразируя слова Филиппа Поля де Сегюра, обратиться к любителям истории со следующими словами: «Читайте мемуары наполеоновской эпохи, благо теперь такая возможность есть и у нас. И они помогут вам лучше узнать и понять то удивительное, славное и героическое время».

БИБЛИОГРАФИЯ

Беранже П. Ж. Сочинения. – М., 1957.

Гюго В. Отверженные. – М., 2009. – Т. 1–2.

Bigarré A. J. Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph. P. 1893.

Blaze M. V.S. Mémoires d'un apothicaire sur la guerre d'Espagne pendant les années 1808 à 1814. – Paris, 1828. – Т. 1–2.

Bouillé du Chariol L. J.A. Souvenirs et fragments pour servir aux memoirs de ma vie et de mon temps, par le marquis de Bouillé. 1769–1812. – Paris, 1911. – Т. III.

Commandant Parquin. Souvenirs et campagnes d'un vieux soldat de l'Empire. – Paris–Nancy, 1903.

Desbœufs M. Les étapes d'un soldat de Empire (1800–1815). Souvenirs du capitaine Desbœufs. – Paris, 1901.

Drouet d'Erlon J. B. Vie militaire écrite par lui-même. – Paris, 1844.

Girod de l'Ain J.M.F. Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 à 1815 par général baron Girod (de l'Ain). – Paris, 1873.

Godart R. Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815). – Paris, 1895.

Gonneville A. O. Souvenirs militaires du colonel de Gonneville. – Paris, 1895.

Fée A. L.A. Souvenirs de la guerre d'Espagne dite l'independance (1809–1813). – Strasbourg, 1856.

D'Espinchal H. Souvenirs militaires. Paris, 1901. – Т. 1–2.

Lejeune L. F. Souvenirs d'un officier de l'Empire par baron Lejeune. – Paris, 1851. – Т. 1.

Lejeune L. F. Sièges de Saragosse: histoire et peinture des événements qui ont eu lieu dans cette ville ouverte pendant les deux sieges qu'elle a soutenus en 1808 et 1809. – Paris, 1840.

- Lejeune L. F. Mémoires du général Lejeune. Paris, 1895. – T. 2.
- Lemonnier-Delafosse J. B. Campagnes de 1810, 11, 12, 13, 14, 1815 en Portugal, Espagne, France, Belgique, ou Souvenirs militaires par J. B. Lemonnier-Delafosse. – Havre, 1850.
- Marcel N. Campagnes du capitaine Marcel en Espagne et en Portugal (1808–1814). – Paris, 1913.
- De Naylies J. J. Mémoires sur la Guerre d'Espagne, pendant les années 1808, 1809, 1810 et 1811 par m. de Naylies. – Paris, 1817.
- De Rocca A. J. M. Mémoires sur la guerre des Français en Espagne par m. de Rocca, officier de hussards et chevalier de l'ordre de la Légion d'honneur. – Paris, 1814.
- Tulard J. Nouvelle bibliographie critique des mémoires sur l'époque napoléonienne. – Genève, 1991.

В серии «Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны»
вышли:

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. I:
«Мемуары» барона Тьебо; «Мемуары» герцога Ровиго; извлечения
из не изданных воспоминаний генерала Жомини.

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. II:
«Военные воспоминания» полковника де Гонневиля; «Мемуары
об испанской войне в 1808, 1809, 1810 и 1811 гг.» Жозефа Жака де Най-
ли; «Мемуары о войне французов в Испании» Альбера Жана Мишеля
Рокка; «Военные воспоминания» Ипполита д'Эспиншала.

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. III:
«Воспоминания осады Сарагосы» и «Мемуары» Луи Франсуа Лежена;
«Воспоминания и кампании старого солдата Империи» Дени Шар-
ля Паркена; «Мемуары» Альфреда Армана Робера де Сен-Шамана;
«Полевой дневник» Мориса де Таше; «Дневник» маршала Эспри Вик-
тора Элизабет Бонифаса де Кастеллана.

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. IV:
«Мемуары аптекаря об Испанской войне Мари Верана Себастьена Блаза;
«Воспоминания об Испанской войне» Антуана Лорана Аполлинера Фэ.

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. V:
«Мемуары» Жана Мари Феликс Жиро де л'Эна; «Дневник» Луи Фло-
римона Фантен дез Одоара; «Военные воспоминания Жана-Батиста
Лемонье-Делафосса; «Кампании в Испании и Португалии» Никола
Марселя; «Воспоминания» Жана-Батиста Огюста Барреса; «Этапы
пути солдата Империи» Марка Дебефа.

Библиотека французских мемуаров Пиренейской войны. Т. VI:
«Воспоминания» Луи Жозефа Амура де Буйе; «Мемуары» Огюста
Жюльена Бигарре; «Мемуары» генерала барона Роша Годара; «Военная
жизнь» Жана-Батиста Друэ д'Эрлона.